

И песни светские. Так проводил
Школяр тот время и беспечно жил.
Когда же денег из дому не слали,
Провизией друзья его снабжали.
А вдовый плотник сызнова женился.
Как никогда в жену свою влюбился,
Когда ей восемнадцать лет минуло.
При сватовстве он щедр был на посулы,
Теперь ее он страстно ревновал
И в комнатах безвыходно держал.
Она была юна и своенравна,
А он старик, и этот брак неравный
Ему сулил, он знал и сам, рога.
Не допустить старался он врага
К жене своей. Простак не знал Катона,
Который написал во время оно:
«Жениться следует ровне с ровней,
И однолеткам в паре быть одной».
Попав, однако, в старую ловушку,
Он не пролить старался счастья кружку.
Она была стройна, гибка, красива,
Бойка, что белка, и, что вьюн, игрива.
На ней был пояс, вышитый шелками,
И фартук стан ей облегал волнами
Как кипень белыми. А безрукавка
В узорах пестрых. На сорочке вставки
Нарядные и спереди и сзади.
Коса черна, что ворон на ограде.
Завязка чепчика того же цвета;
И лента шелковая, в нем продета,
На лбу придерживала волоса;
Волной кудрявою вилась коса.
Глаза ее живым огнем сияли;
Чтоб брови глаз дугою огибали,
Она выщипывала волоски,
И вот, как ниточки, они узки
И круты стали. Так была нарядна,
Что было на нее смотреть отрадно.
Нежна, что пух, прозрачна на свету,
Что яблоня весенняя в цвету.
У пояса, украшена кругом
Шелками и точеным янтарем,
Висела сумка. Не было другой
Во всем Оксфорде девушки такой.
Монетой новой чистого металла
Она, смеясь, искрилась и блистала.
Был голосок ее так свеж и звонок,
Что ей из клетки отвечал щегленок.
Дыханье сладко было, словно мед
Иль запах яблок редкостных пород.
Как необъезженная кобылица,
Шалить она любила и резвиться.
Пряма, что мачта, и гибка, что трость,
Была она. Не щит – резная кость
Огромной брошки ей была защита.